рактера сохраняла свое значение в этих краях и в то время, когда печатная книга была уже общедоступной, хотя и далеко еще не отражала и не передавала всего литературного запаса и материала, занимавшего внимание и привлекавшего интерес провинциального и деревенского читателя.

С другой стороны, наличность в собрании А. Д. Григорьева этих поздних списков позволяет в известной мере проследить позднюю судьбу старорусских текстов. При ближайшем анализе этих пражских списков, возможно, обнаружится и кое-что существенное для литературной их истории вообще.

По своему составу собрание А. Д. Григорьева — при всей случайности и отрывочности — дает возможность наблюдать судьбу двух слагаемых старорусской книжности на русском севере. С одной стороны, тут представлена в более или менее традиционном составе религиозная и церковно-поучительная литература, восходящая к весьма старой переводной традиции и к известным и в позднейшей печати сборникам: Прологу, Измарагду, Патерикам, Ирмологию и т. д. С другой стороны, тут имеется довольно значительный подбор повествовательной литературы, как связанной с церковно-учительной и апокрифической литературой, так и уже вполне светской. Подчеркнем, что тут имеются — рядом с притчами о семи мудрецах, о царице и львице и т. п. — и такие повести, как о царице Персике, о королевиче испанском Франце и т. п. Собрание А. Д. Григорьева позволяет заглянуть в библиотеку одного из недурно, видимо, грамотных и любивших книгу, чтение и переписку родов крестьян Поморья, а именно рода Верещагиных, в кругу которого в течение нескольких поколений культивировался этот интерес к книге и рукописи. Тут собрание Григорьева помогает поставить и вопрос о той социальной и территориальной среде, которая хранила у себя старорусскую рукописную и книжную традицию.

Заслуживает, конечно, особого внимания и литературный материал местного архангельского характера, касающийся отчасти местного старообрядческого общества, далее — местного церковного культа (тексты и чтения о чтимых в крае святых местного происхождения и подвига) и т. д. И не связанные с этими основными типами текстов и с местными отношениями отдельные рукописи имеют тут свое известное значение. Полагаю, что особого внимания заслуживает список Судебника 1497 г., подробное обследование которого я имею в виду произвести особо.

При обзоре состава пражского собрания старорусских рукописей А. Д. Григорьева мы следуем данному им самим распределению рукописей по группам в зависимости от места их приобретения и отчасти содержания и общего характера. Это распределение дано А. Д. Григорьевым в списке рукописей, вместе с которым они были сданы в Славянскую библиотеку и хранятся здесь в соответствии с классификацией А. Д. Григорьева.

Полагаем, что эти указания собирателя о месте приобретения той или иной рукописи представляют существенный интерес для изучения условий сохранения памятников старорусской письменной традиции и для характеристики общей обстановки культурной жизни далекого русского деревенского севера.

В. Д. Кузьмина, побывавшая в научной командировке в Чехословакии, опубликовала в приложении к своему отчету краткие сведения о собрании А. Д. Григорьева.[3]

---

[3] В. Д. Кузьмина. Научная командировка в Чехословакию. — ИОЛЯ, т. XVIII, 1959, в. 2, стр. 188—190.